

Чжу Цинхэ, колеблясь, вошел в газетный киоск с платным телефоном. Долго раздумывая, он наконец набрал номер своего дома.

Его потрескавшиеся руки крепко сжимали трубку, суставы побелели от напряжения, а в щелях между пальцев даже проступили капли крови, которых он сам не заметил.

Ледяной ветер пронизывал до костей, но Чжу Цинхэ был одет в тонкую и изношенную одежду. Пока он ждал, он съжился в углу, где было немного укрытия от ветра, и уже несколько раз чихнул. Телефон долго не отвечал, и только после третьей попытки звонка на том конце наконец ответили. Женский голос средних лет раздался в трубке, и Чжу Цинхэ, с глазами, наполненными слезами, произнес:

— Мама.

— Цинхэ, у тебя срочное дело? Эти два дня твой брат привел домой девушку, я занята приемом гостей. Если дело не срочное, то лучше повесь трубку. Междугородние звонки такие дорогие, не трать деньги зря, их трудно заработать, нужно экономить. Дома все в порядке, только... ладно, потом поговорим.

Чжу Цинхэ молча выслушал и, прежде чем мать успела повесить трубку, сказал:

— Мама, деньги, которые я отправил две недели назад, еще не потрачены? Могли бы вы их перевести обратно? У меня срочные дела.

На том конце повисла тишина, и когда голос заговорил снова, он стал холоднее:

— Мы тогда договорились, что эти деньги пойдут на покупку квартиры твоему брату. Сейчас нам не хватает пятидесяти тысяч, и я с отцом уже седем от забот, надеюсь, что ты еще отправишь... Цинхэ, скажи честно, ты, наверное, еще припрятал деньги?

Чжу Цинхэ странно наклонил голову, глядя в землю, и долго стоял молча. Солнечные лучи падали на него, но он чувствовал лишь еще более пронизывающий холод.

Мать Чжу Цинхэ, видимо, восприняла его молчание как согласие, и резко сказала:

— Ты, наверное, завел девушку? Я тебе давно говорила, что женщины извне — все обманщицы, им только деньги нужны, не будь дураком! Подожди немного, когда твой брат женится, я тебе подыщу кого-нибудь. В нашей деревне только у нас есть студент, даже твой дядя хвалит твоего брата за успехи. Не порть все сейчас, отправь все деньги обратно, у твоего брата срочные дела. Ты ведь старший брат, не позорь нас перед деревней.

Деньги, о которых говорила мать, были компенсацией за травму, которую Чжу Цинхэ получил на стройке, когда ему сломали ногу. Поскольку мать настаивала, он отправил все деньги домой. Его рану лишь слегка обработали, и только сейчас он с трудом мог ходить с костылями.

Сердце Чжу Цинхэ оледенело, словно его окунули в ледяную реку в самый лютый мороз. Его сухие, посеревшие губы дрогнули, и он едва смог выдать:

— Мама, врач сказал, что у меня рак, последняя стадия. Если сделать операцию как можно скорее, есть большой шанс выжить.

— Что?! — Голос в трубке резко повысился, дыхание стало учащенным. Кто-то рядом что-то шепнул, и она успокоилась, холодно сказав:

— Эти годы ты был на стороне, я тебя не контролировала. Ты стал слишком самостоятельным, даже с семьей так хитришь, используя такие отговорки. У меня больше нет такого сына.

Плечи Чжу Цинхэ слегка дрожали. Он прикусил губу, в голосе появилась мольба:

— Мама, я сейчас стою у входа в больницу. Если я не заплачу, меня выгонят. Мама, я умоляю, я не хочу умирать!

На том конце раздался еще больший гнев:

— Твой брат сказал, что в больших городах компенсации начинаются от трехсот тысяч, а ты мне отправил лишь шестьдесят. Я тебя вырастила, а ты так со мной поступаешь? Больше не звони домой, живи со своими деньгами.

В ушах Чжу Цинхэ раздались гудки. Он слабо усмехнулся, медленно положил трубку и, порывшись в кармане, достал смятую десятку и протянул ее продавцу.

Человеку, у которого была только физическая сила, оставалось только работать на стройке, и за месяц он зарабатывал немного. Если у начальника было плохое настроение, он находил повод урезать зарплату. На этот раз, когда ему сломали ногу, контролирующие органы были начеку, и начальник, скрепя сердце, выдал шестьдесят пять тысяч.

Две недели назад он пришел в больницу на перевязку, и, пока ждал лекарств, пожаловался врачу на недомогание. Врач посоветовал пройти полное обследование, и тогда он узнал, что болен так серьезно. Пять тысяч были каплей в море перед лицом рака. Медсестра настаивала на оплате, и, оказавшись в безвыходной ситуации, он решил обратиться к семье.

Оформив выписку, он вернулся в бараки, где управляющий велел ему быстро собрать вещи и уходить, грубо выругавшись о том, что он приносит неудачу. Чжу Цинхэ спокойно собрал свои вещи и попросил знакомого отвезти его на вокзал.

Он стоял в углу у входа в зал ожидания — без билета его не пускали внутрь. Съежившись в защищенном от ветра месте, он слушал стук колес зеленого поезда, дрожа от холода и укутавшись в одеяло, пока не дождался темноты и не нашел дешевый отель.

Следующий год он провел на улице, зарабатывая на жизнь починкой обуви и ремонтом шин. Его семья больше не выходила на связь, словно они никогда не были частью его жизни.

Умирающий всегда чувствует приближение конца. В тот вечер он, с ногой, потерявшей чувствительность, стоял на центральной улице города, тупо глядя на высотные здания, которые он когда-то строил, проливая пот. Красные облака плыли по небу, широкий асфальт был заполнен машинами. Хотя он прожил здесь двадцать лет, этот шумный мегаполис был ему чужд.

На огромном электронном экране в центре площади молодой высокий мужчина с приятной внешностью говорил низким, холодным голосом:

— Хэнда смогла распространиться по всей стране благодаря тому, что мы сохраняем в сердце терпимость и благодарность. Кто-то когда-то передал мне это богатство, и я не успел его поблагодарить. Прошло шестнадцать лет, и я хочу посвятить оставшееся время тому, чтобы найти его.

Чжу Цинхэ усмехнулся, подумав, что этому человеку повезло — спустя столько лет его все еще

помнят. В этот момент он почувствовал себя еще хуже. Повернувшись, он пошел обратно, пот катился градом по его лбу, шум и суета вокруг быстро исчезли, превратившись в белую пустоту. Единственное, что он слышал, было свое собственное тяжелое дыхание...

В последний момент, словно из тьмы протянулась рука, сжимая его горло и прерывая его жизнь.

В хаосе сознания он услышал лай собаки, а затем женский голос:

— Брат Юйтянь, Цинхэ чувствует себя лучше? Мы договорились, что он придет ко мне на подготовку, но его нет. Я пришла спросить.

Туман мгновенно рассеялся, и Чжу Цинхэ резко проснулся, сел и, инстинктивно повернув голову к окну, почувствовал усилившуюся головную боль. Этот голос... неужели это учительница Ван из деревни? Разве он не умер? Может, это галлюцинация?

Он огляделся вокруг. Маленькая комната, стены почернели от копоти, в углу стояли два больших деревянных ящика с облупившейся краской, на неровном полу лежали таз и деревянная скамья. Все это было так знакомо — это была комната, которую он делил с братом Чжу Цинляном. Краткое удивление и недоверие сменились бурной радостью на его лице.

Его руки больше не были худыми и уродливыми. Хотя они были грязными, но это были руки ребенка. Небо дало ему шанс снова жить!

Теперь, получив второй шанс, он не позволит себе жить так же плохо, как раньше. Он займет свое место в этом шумном городе с его небоскребами и бесконечным потоком машин. Это была жизнь, которую он хотел, как тот мужчина на площади Хэнда, которого он видел перед смертью — богатый и уважаемый всеми.

Он, прихрамывая, подошел к окну. Отец сидел под деревом, плетя корзину, даже не подняв головы. Учительница Ван стояла в неловкости, уговаривая его.

Чжу Цинхэ вспомнил. В августе этого года он поссорился с Лю Туном из деревни. Оба были в гневе, и никто не хотел уступать. Тогда, не знаю, что на него нашло, он схватил камень и ударил Лю Туна по голове. Кровь хлынула, отец схватил его и избил до полусмерти, так что он несколько дней не мог встать.

Прожив жизнь, он наконец начал задумываться, зачем он это сделал. Лю Тун сказал, что его нашли в куче грязи, что он не родной сын своих родителей, иначе почему мама покупала вкусности только Цинляну, а отец, хотя и любил Цинляна, бил его, как скотину, до полусмерти. Казалось, вся семья считала его врагом, дедушка и бабушка даже не смотрели на него. Прожив несколько десятков лет, он даже не прикасался к краю кана в главной комнате. Иногда он и сам начинал сомневаться, что он родной.

Позже он случайно услышал, что дед, поверив словам гадалки, сказал, что он родился как проклятый должник, и запретил семье хорошо к нему относиться. Когда он подрастет, его выгонят на работу. Если он разбогатеет, то хорошо, а если будет бедствовать, то все связи будут разорваны.

— Цинхэ больше не будет учиться, учительница Ван, возвращайтесь.

[Перевод имён и названий: Хэнда (Hengda), Чжу Цинхэ (Zhu Qinghe), Чжу Цинлян (Zhu Qingliang), Лю Тун (Liu Tong), учительница Ван (Teacher Wang).]

<http://bllate.org/book/16370/1480656>